

Пинковский В. И. Лирическое творчество Элизы Меркёр : к типологии поэтов французского романтизма / В. И. Пинковский // Научный диалог. — 2021. — № 3. — С. 244—258. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-244-258.

Pinkovsky, V. I. (2021). Lyrical Works of Elise Mercer: Toward a Typology of Poets of French Romanticism. *Nauchnyi dialog*, 3: 244-258. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-244-258. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-244-258

Лирическое творчество Элизы Меркёр: к типологии поэтов французского романтизма

Пинковский Виталий Иванович orcid.org/0000-0002-8699-3570, доктор филологических наук,

профессор, alennart@mail.ru

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный государственный университет»

(Магадан, Россия)

Lyrical Works of Elise Mercer: Toward a Typology of Poets of French Romanticism

Vitaly I. Pinkovsky orcid.org/0000-0002-8699-3570, Doctor of Philology, Professor, alennart@mail.ru

North-Eastern State University

(Magadan, Russia)

© Пинковский В. И., 2021

Аннотация:

ОРИГИНА ЛЬНЫЕ СТАТЬИ

В рамках разработки типологии авторов французского романтизма определяется творческий тип, представленный французской поэтессой Элизой Меркёр (Élisa Mercœur, 1809—1835). Актуальность работы обусловлена тем, что создание типологии — это способ и упорядочить изученный материал, и исследовать новый, оперируя не разрозненным набором фактов и субъективных мнений, но генерализованными конвенциональными понятиями. Отмечается, что материалы об Элизе Меркёр пребывают на данный момент в состоянии, нуждающемся в таком типологическом оформлении. В результате проведённого исследования установлено, что поэтесса, с одной стороны, принадлежит к той категории литераторов, чьи биографии мифологизированы в романтическом духе. С другой стороны, показано, что она относится к довольно многочисленному разряду писателей-романтиков, обладающих творческими способностями при отсутствии яркой самобытности и потому предназначенных популяризовать достижения выдающихся авторов, практически создавая «язык направления», но разрабатывая, тем не менее, и собственные темы (в основном имеющие отношение к частной жизни авторов). Предлагается типология творческих моделей романтической лирики. Показано, что к одной из моделей, сочетающей подлинность чувства и умеренную сложность языка выражения, относится оригинальное творчество Э. Меркёр.

Ключевые слова:

Элиза Меркёр; французская поэзия; типология поэтов французского романтизма; жанровая система романтической лирики; мифологизация писательских биографий в романтизме; модели лирического творчества в романтизме.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

As part of the development of the typology of the authors of French romanticism, the creative type represented by the French poetess Élisa Mercœur is determined (Élisa Mercœur, 1809—1835). The relevance of the work is due to the fact that the creation of a typology is a way both to streamline the studied material and to explore new, operating not with a disparate set of facts and subjective opinions, but with generalized conventional concepts. It is noted that the materials about Élisa Mercœur are currently in a state that requires such a typological design. As a result of the study, it was established that the poet, on the one hand, belongs to the category of writers whose biographies are mythologized in a romantic spirit. On the other hand, it is shown that she belongs to a rather numerous category of romantic writers who have creative abilities in the absence of a vivid originality and therefore are intended to popularize the achievements of outstanding authors, practically creating a "language of direction", but nevertheless developing their own themes (mostly related to the privacy of authors). A typology of creative models of romantic lyrics is proposed in the article: one of the models that combines the authenticity of feelings and moderate complexity of the language of expression is the original work of Élisa Mercœur.

Key words:

Eliza Merker; French poetry; typology of poets of French romanticism; genre system of romantic lyrics; mythologizing literary biographies in romanticism; models of lyrical creativity in romanticism.

УДК 821.133.1Mercoeur.07

Лирическое творчество Элизы Меркёр: к типологии поэтов французского романтизма

© Пинковский В. И., 2021

1. Введение

Элиза Меркёр (1809—1835) — французская поэтесса романтической эпохи, рано познавшая популярность сначала на родине, в провинции (Нант), затем в столице, а в последний период жизни испытавшая охлаждение публики к себе, всё же не перешедшее за истекшие 185 лет в полное забвение. Так, в 2013 году вышла книга Ф. Ле Генне о забытых писательницах, в перечень которых Меркёр не включена [Le Guennec, 2013], тремя годами позже на кладбище Пер-Лашез была отреставрирована её могила [Веуегп, 2016].

Время от времени имя поэтессы всплывает в работах гендерной проблематики в связи с тем, что ей выпало жить и творить в эпоху, когда «ограничения для женщин стали ещё жестче», чем при «старом режиме» (то есть до революции 1789—1794 годов) из-за «Гражданского кодекса» Наполеона, статьи которого низводили женщину до положения второсортного (minor) существа [Finch, 2000, pp. 8—9], и поэтому поведение Э. Меркёр, активно добивавшейся известности, а также открыто и подробно говорившей о себе (a woman talking about herself at such great lengths / женщина, которая так много говорит о себе) встречало неприятие французского общества XIX века [Greenberg, 1999, р. 49]. (Перевод иноязычных текстов здесь и далее наш. — В. П.).

Амплитуда восприятия личности Меркёр колеблется от скорбного (см., например, название книги Г.-К. Пертю, в котором имя поэтессы замыкает перечень французских писателей, проживших короткую жизнь и трагически ушедших из неё: «Мальфилатр, Жильбер, Андре Шенье, Эжезип Моро, Элиза Меркёр. Разбитые лиры» [Pertus, 1844]), — до снисходительно-ласкового, когда её относят к разряду женщин, которых принято именовать «синими чулками» (charmants ... bas-bleus / очаровательные ... синие чулки [Constantin, 2015, р. 3]).

Таким же полярным разбросом мнений отличается контекст оценок поэзии Э. Меркёр. Известный историк французской поэзии Р. Сабатье называет поэтессу среди фигур переходной эпохи (les poètes de transition), среди тех, кто ещё только «полон романтическими обещаниями» (pleines de promesses romantiques) [Sabatier, 1976, р. 10], а Б. Плётнер едва ли не

причисляет её уже к эпигонам романтизма: «Подражательница [imitatrice] Шенье, Деборд-Вальмор и Ламартина, она уловила дух времени, о чем свидетельствуют такие произведения, как "Песнь шотландского барда" и "Чайльд-Гарольд, подражание лорду Байрону"...» [Plötner, 2002, р. 183]. Разумеется, в работах о Меркёр встречается и большое количество просто сочувственных отзывов о поэзии молодой женщины, по сути, не критических, не аналитических, а простодушно-вкусовых: «Откройте стихи Меркёр, если вы хотите знать о страданиях (буквально: рыданиях [sanglots]) этой чистой, святой [sainte] девушки, которая мечтала о любви, мечтала о славе — и умерла» [Claretie, 1864, р. 11].

Единственная крупная работа о поэтессе — книга Д. Жофруа «Элиза Меркёр, нантский романтик» — тоже не даёт сколько-нибудь цельного её образа: «Трудно сопротивляться магнетическому очарованию этой девственной и поэтичной музы, создавшей, возможно, произведения спорной ценности, некоторые из которых заслуживают всё же, чтобы их помнили, благодаря присутствующим в этих стихотворениях чувственности, изяществу, мягкости и печали <...> Элиза Меркёр не была героиней романтизма, она была его мученицей. Она сама была романтизмом в чистом виде как в жизни, так и в творчестве» [Geoffroy, 1990, pp. 9—10]. Автор, создавший интересную детальную биографию поэтессы, далёк от корректного формулирования общей оценки этой фигуры, впадая в очевидный алогизм: нельзя одновременно воплощать некое явление и быть небезупречным деятелем в границах этого же явления.

Задача настоящей статьи заключается в определении того писательского типа, к которому относится Элиза Меркёр. Это не штудия в духе «психологии творчества», впрочем, без учёта хотя бы основных черт творческой натуры поэтессы поставленная цель труднодостижима. Речь идёт об исследовании, близком к изучению феномена, названного Вл. А. Луковым «персональной моделью», то есть образцом жизни и творчества конкретного писателя, влиятельным для собратьев по перу и читателей. Это, по мнению учёного, своеобразный портрет, главными элементами которого являются: система жанров, в которых работал писатель; соотношение его творчества с направлениями, стилями, крупнейшими фигурами эпохи; характеристика наиболее значительных произведений [Луков, 2006а, с. 86].

Нетрудно увидеть, что избранный профессором Луковым аспект рассмотрения литературной истории исключает авторов, не создавших свою действенную, «заразительную» для других систему жизни и творчества: «писатель должен создать значимую модель творчества (иногда — жизни и творчества) для современников и последующих поколений, что резко ограничивает число фигур для рассмотрения в этом ключе (для сравне-

ния: только в Московской писательской организации более 2000 членов, очевидно, все они обладают <...> индивидуальностью, но очень немногие создали персональные модели в литературе» [Ibid., с. 85].

Поскольку обладатели «персональных моделей» — личности в своём роде единственные, при их изучении невозможен типологический подход, который избираем мы, полагая, если объясняться аналогиями, что внимания заслуживает не только Ф. Петрарка, но и петраркисты. Дело не только в том, что литературный процесс создаётся талантами разного масштаба и элементарное требование объективности требует учитывать всех, а в том, что нередко влиятельно выступают авторы, не создавшие впечатляющей творческой системы, но отличившиеся одной строкой, одним образом, одним произведением. Например, можно указать на более чем скромного (один тоненький сборник стихов) поэта романтической эпохи Феликса Арвера (Alexis-Félix Arvers, 1806—1850), создателя необыкновенно популярного, исполнявшегося как романс во всех салонах (до пресыщения и раздражения [Audebrand, 1892, pp. 99—100]) стихотворения «Sonnet d'Arvers») [Arvers, 1878, p. 53].

Таким образом, говоря об Элизе Меркёр, мы применяем луковскую методику исследования «персональных моделей» к автору заведомо невыдающемуся, но, возможно, представляющему в своём лице целый тип поэтов определённой исторической эпохи, конкретного литературного направления (романтизм). Создание типологий можно отнести к категории вечно актуальных задач любой научной сферы, поскольку эта операция позволяет не только систематизировать наличные факты и наблюдения, но и разыскивать новые, необходимые как для завершённости типологических построений, так и для выводов на их основе.

Поставленной целью объясняется структура статьи. В основной части она состоит из двух разделов, посвящённых, соответственно, личности Э. Меркёр и её поэтическому творчеству. Выбор для анализа именно лирической поэзии (Меркёр писала ещё прозу и драму) объясняется тем, что, вероятно, именно в лирике поэтесса полностью исчерпала свои возможности, создав, по сути, единственный сборник стихов ещё в юности (в посмертном собрании стихотворений лишь менее десяти оказались не публиковавшимися ранее, причём это были тексты, не принципиальные для понимания творчества умершей).

2. Личность Элизы Меркёр

Биография Э. Меркёр изучена основательно, и это избавляет нас от необходимости подробно говорить о ней. Нам интересны только некото-

рые моменты этой короткой жизни в контексте романтической эпохи. Надо сказать, что судьба поэтессы сложилась так, как это было желательно для романтического автора, то есть нетривиально, остросюжетно: с интригующей завязкой, тайнами, взлётом к вершине успеха, трагическим ранним завершением. Вот ключевые моменты этой жизни.

Девочка-подкидыш, воспитывавшаяся в приюте, обретает в двухлетнем возрасте мать, которая в силу поправившихся обстоятельств своей жизни решила вернуть ребенка. Это расхожее сюжетное положение античного любовно-приключенческого романа, с той разницей, что при античных младенцах находили так называемые «знаки», по которым их опознавали объявляющиеся в финале родители, а при младенце Элизе была только записка с указанием даты рождения и имени. Фамилия Меркёр была придумана в приюте и до сих пор является поводом для различных предположений — почему именно такая? То есть вопреки нормам «романа тайн», в котором загадки в конце концов разгадываются, здесь этого не происходит.

Раннее пробуждение творческих способностей (девочка начала писать стихи в шестилетнем возрасте), публикация первого сборника стихов в восемнадцать без малого лет (биографы любят подчёркивать, что в столь юные годы ещё не отметились первыми книгами ни Ламартин, ни Гюго), одобрение стихотворений девушки Шатобрианом и Ламартином. С отзывом последнего вышла целая история, в которой по сей день не всё ясно. Опубликованный в одном из бретонских периодических изданий, а затем перепечатанный в предисловии к поэтическому сборнику Меркёр дважды (в нантском издании 1827 года и парижском 1829 года), этот отзыв (в форме письма знакомому литератору) содержит сверхлестную оценку стихотворений «армориканской музы» (одно из комплиментарных прозвищ поэтессы): «я не верил в существование поэтического таланта v женщин <...>, на этот раз я сдаюсь <...>, предвижу <...>, что эта девочка превзойдёт нас всех ...» [Crapelet, 1829, р. XIII]. Высказывание Ламартина без малейшего сомнения в его достоверности публикуют даже бретонские академические издания [Mellinet, 1835, p. 116]. Несмотря на то, что поэт впоследствии (1839) решительно отказывался от авторства этих слов и, более того, утверждал, что не был знаком с поэзией Меркёр [Ducimetière, 2017], это не мешает современным популярным изданиям полностью игнорировать протест знаменитого романтика и повторять приписываемый ему комплимент в адрес Меркёр, как будто его авторство верифицировано [Theuriau, 2005, р. 24]. Дело, конечно же, не в недобросовестности авторов (или не только в ней). Нужно вспомнить, что ведущие позитивные образы в романтической культуре — образы героя и гения [Луков, 2006б, с. 128].

Не случайна в эту эпоху популярность фигуры Наполеона, воплотившего в себе обе ипостаси. Как это ни покажется парадоксальным, ряд моментов жизни Меркёр может быть соотнесён с судьбой французского императора: провинциалка, не принадлежащая к верхам общества, благодаря упорству и таланту добивается известности на родине, затем покоряет столицу, становится первой женщиной во французской литературе, написавшей трагедию. Следует добавить, что поэтесса была избрана в Лионскую академию (Académie provincial de Lyon) и состояла членом-корреспондентом Энциклопедического общества Морбиана (Société polymathique du Morbihan), а также членом-корреспондентом Академического общества департамента Нижняя Луара (Société académique de la Loire-Inférieure), причём в последнем случае общество отступило от своих правил, впервые удостаивая такой чести женщину. Может показаться, что членство в подобных провинциальных структурах не слишком большое достижение, однако это не совсем так: следует вспомнить, что известность Ж.-Ж. Руссо началась именно после успешного участия в конкурсе тоже провинциальной — Дижонской — академии. В любом случае, приветствия с вершин литературы столь стремительно поднявшемуся над обстоятельствами своей скромной жизни молодому дарованию — слишком важный момент биографии, чтобы портить его сомнениями в подлинности слов Ламартина.

Описание финала жизни Элизы Меркёр выдержано в параметрах очень старой традиции, актуализированной романтической эпохой, — изображать существование поэта как трагическое противостояние непониманию окружающих, травле, иным губительным обстоятельствам. По версии матери поэтессы, её дочь умерла из-за отказа королевского комиссара Комеди-Франсез барона Тэйлора принять к постановке трагедию «Боабдиль», о чём молодая женщина за сутки до смерти говорила так: «будет много вымышленных историй [contes] о моей смерти; одни скажут, что я умерла от нищеты, другие — от любви <...> единственно отказ господина Тэйлора <...> привёл к смерти твоё бедное дитя [ta pauvre enfant]!» [Ve Mercœur, 1843, pp. CLXXXI—CLXXXII]. В действительности Меркёр погубила горловая чахотка, отягощённая язвами кишечника, но это слишком прозаические причины, отличные от трагически поэтичных, которые перечисляются в последних словах умирающей. Материнская версия об эстетически удовлетворительной причине смерти поэтессы до сих пор встречается как основная в некоторых популярных источниках (см., например, франкоязычную статью о поэтессе в Википедии [Élisa Mercœur], несмотря на недоверие и неприязнь многих биографов к вдове Меркёр, как называла себя без всяких оснований никогда не состоявшая в браке и носившая другую фамилию мать поэтессы («она алчна в той же степени, что и неум-

на» [Caillaud, 1952, р. 32]; «эгоизм и тщеславие матери причинили Элизе больше зла, чем все разочарования» [Richebourg, 1870, р. 215]). Как бы то ни было, в словах вдовы Меркёр воплощена интуитивно, может быть, угаданная логика романтического жизнеописания, а не факты реальности.

3. Лирика Элизы Меркёр

Среди произведений поэтессы есть довольно большая группа стихотворений (около 30), о которых мы скажем совсем коротко. В значительной части это тексты-фрагменты (не в жанровом смысле (романтический фрагмент), а просто незаконченные, не позволяющие оценивать их содержание), при жизни Меркёр не публиковавшиеся. Вторую группу составляют произведения завершённые, но тоже не включавшиеся поэтессой в оба издания её сборника; возможно, они казались автору слабее отобранных для издательства. Наконец, третья группа текстов представляет собой 18 посланий (благодарственных, сопроводительных при отсылке чего-либо, а также одно написанное по просьбе дамы, пожелавшей приветствовать зятя в стихах). Эти образчики прикладного стихотворчества тоже не обнародовались при жизни автора. Все названные стихи не характеризуют творческую позицию Меркёр, хотя и могут быть интересны её биографам.

Оставшиеся тексты следующим образом распределяются по жанрам: элегии, оды, оды с элегическими образами и мотивами, эпиграмма. Обращают на себя внимание две особенности этого перечня. Во-первых, отсутствие более чем в половине названий жанровых подзаголовков как признак характерного для романтизма процесса — постепенного разрушения системы жанров (или, говоря иными словами, утверждения поэтической свободы). Во-вторых, заметно преобладание элегии вообще и элегии определённого типа — «унылой» — в частности, при полном отсутствии таких ещё недавно (в эпоху Первой империи, в детские годы Э. Меркёр) популярных жанров, как эклога (идиллия, пастораль), а также многочисленных разновидностей «лёгкой поэзии» (игривая любовная элегия, мадригал, «эпикурейская» песня с её нехитрым лейтмотивом «вволю любить, пить и есть до конца жизненного пути» [Désaugiers, 1816, р. 8] и др.). Отмеченные черты свидетельствуют о том, что по формально-содержательным признакам творчество поэтессы относится к романтизму.

Об этом же говорят и герои «ролевых» стихотворений Меркёр: «шотландский бард» (мода на «Песни Оссиана»), «Чайльд-Гарольд» (увлечение Байроном), «юный нищий» (образ обделённого на «жизненном пиру» восходит, возможно, к популярному у романтиков поэту XVIII века Н. Жильберу, автору этого мелодраматического мотива). Одной из модных романтических тем (борьба за свободу Греции) отмечена ода «Сон, или Фермо-

пилы»: Пробудитесь, сыны Леонида … Свобода — вот ваше наследство $[M^{\text{lle}}$ Mercœur, 1829, p. 88].

Стихи Меркёр содержат также многие характерные для романтической поэзии мотивы и словесные формулы, частью унаследованные от сентиментализма (размышления на кладбище о бренности человеческого существования; печальные образы прошлого, вызывающие вздохи «стеснённой груди»; краткость «мгновений счастья» в земной жизни; стремление к смерти как возможность соединиться с умершим возлюбленным; увядание цветов, листьев, жизни), и в некоторых случаях они сгущены почти до степени автопародии (клише элегической поэзии в предлагаемом фрагменте выделены полужирным курсивом, причём все они существовали ещё в доромантическую эпоху):

Qu'ai-je entendu? Dans mon âme oppressée

La cloche funéraire a soudain retenti.

Toi qui règnes dans ma pensée,

Tu n'est donc plus, fidèle ami.

C'en est fait, un affreux délire

Trouble tous mes sens éperdus:

Ma voix, qui faiblement soupire,

S'exhale en regrets superflus [Ibid., p. 15].

(Что я услыхала? В моей *стеснённой душе* вдруг прозвучал *погре- бальный колокол*. *Верный друг*, тебя, властителя моих дум, нет больше. От этого *ужасное безумие* омрачает мои *потерянные чувства*; мой слабо вздыхающий голос изливается *обильной печалью*.).

Современному читателю многие стихотворения Э. Меркёр могут по-казаться почти сплошь составленными из штампов, образных, эмоциональных, словесных, сюжетных, но читатели той эпохи, очевидно, смотрели на эти произведения иначе. Поэтессу могли упрекнуть в «многословии», в отсутствии «речевой строгости и точности» (характерный упрёк сторонника классицистической поэтики романтику), но не могли не отметить «душу благородную, наивно-восторженную и воистину поэтическую [vraiment poétique] <...> чувства живые и глубокие» [Dessales-Régis, 1845, р. 426]. По мнению другого автора, для стиля Меркёр характерны «грация, чувствительность, пыл [la chaleur]», но и некоторая «неровность и неясность». Однако стихи поэтессы имеют «заслуженный успех», так как они «самобытны» (les vers d'Élisa Mercœur ont de l'originalité) [Louvet, 1861, р. 39]. Странная «слепота» ряда критиков XIX века в отношении явных, казалось бы, недостатков лирики молодой женщины имеет, вероятно, следующие причины.

Первая причина связана с благосклонным отношением к стихам Меркёр не только критиков, но и читателей, сложившемся ещё в самом на-

чале её творческого пути (дебютный сборник, изданный в Нанте, был так популярен, что до парижских книжных лавок не дошёл, был раскуплен в Бретани). Если видеть в этой книге начальный опыт юного таланта (на момент издания поэтессе оставалось три дня до восемнадцатилетия), то это многообещающая заявка на будущие свершения. Если же смотреть на сборник как на итог творческого пути (а фактически так и есть: из обещания грядущих достижений эти девичьи стихи стали «наследием»), то оценка созданного будет более строгой, в некотором отношении даже безжалостной. Б. Буниоль не находит в стихотворениях Меркёр «ничего нового и неожиданного», и очень показательно чувство, в сопровождении которого творится суд над произведениями умершей, — чувство «обманутой надежды» (un désappointement) [Bouniol, 1872, р. 179].

Вторая причина имеет не психологическую, а историческую основу. Поколения, отделённые от романтизма большим временным промежутком, порой слишком прямолинейно воспринимают тезис о преобладании в этом течении оригинальности над следованием неким «образцам». В реальности всё было не столь определённо. А. де Ламартин, главный «образец» для Элизы Меркёр, утверждал, как известно, что не подражал никому, создавая «Поэтические размышления» [Lamartine, 1922, р. 365], но давно установлено, что перечень авторов, повлиявших на него, начинается с античных имён (Тибулл) и заканчивается романтиками (Байрон). Упоминавшийся выше знаменитый «Сонет Арвера» имеет подзаголовок «Подражание итальянскому». Примеры можно было бы продолжить, но прагматичнее изменить традиционный обличительный подход к проблеме подражания, сформулировав исследовательскую задачу следующим образом: что позитивного может быть в прямом использовании или имитации элементов чужой поэтики?

Мы привычно говорим «поэтический язык / словарь эпохи», имея в виду набор образов, понятий, выразительных средств, при помощи которых то или иное время выражало себя в поэзии, но не всегда задумываемся над тем, как создаётся этот язык / словарь, кем? Понятно, что это не язык отдельных крупных авторов, это надындивидуальное образование, в построении которого участвуют разные писатели, производящие отбор и использование элементов будущего тезауруса. Этот процесс имеет разные этапы. Заслуга деятелей первого этапа, собственно, созидательного, больше, чем тех, кто получает готовый словесный арсенал. Меркёр — как раз писательница начального этапа формирования языка французской романтической лирики, и это нетрудно доказать: первые стихотворения меркёровского сборника написаны в шестнадцатилетнем возрасте автора, всего лишь через пять лет после выхода «стартовой» для французской романти-

ческой поэзии книги Ламартина «Поэтические размышления» (1820). Элиза Меркёр — старательная и способная ученица «романтической школы», её «элегического класса», но она же — объективно, в силу своей известности — и «миссионер» этой школы.

Означает ли это, что поэтессе выпала лишь роль популяризатора романтического лексикона, а собственной значимости в её стихах нет? Если у автора есть талант, то при всей несамостоятельности начального периода творческой жизни в произведениях всё равно должны обнаруживаться черты оригинальности. Это случай Элизы Меркёр. Когда она забывала выступить в роли усталой от разочарований лирической героини, в её стихах проступали характерные черты совсем ещё юной особы, мечтающей о внимании, любви и не верящей в их возможность для себя, но надеющейся, что поэзия искупит всё. Русскому читателю при чтении этих строк поневоле вспомнится ранняя М. Цветаева («моим стихам ... настанет свой черёд»):

Quoi! tout un an de plus écoulé sans bonheur!
L'hiver est mon printemps, la nuit est mon aurore;
Aucun rayon d'espoir sur moi ne brille encore:
Triste rose, au désert j'exhale mon odeur!
Ceux que j'aurais aimés ne m'ont point accueillie,
Leur main jamais vers moi ne se tendit, hélas!
Et l'oubli, de son voile enveloppant ma vie,
Semble dire à leur cœur: ne le soulevez pas.
Ah! puissent mes succès, réveillant leur mémoire,
Pour ma vengeance, un jour, leur apporter mon nom;
Et puissé-je, oubliant ce funeste abandon,

Leur dire: un an de plus écoulé pour la gloire! [Mlle Mercœur, 1829, pp. 83—84].

(Как! Ещё целый год прошёл без счастья! Зима — это моя весна, ночь — мой рассвет; ни единый луч надежды ещё не просиял для меня: печальная роза, я отдаю свой аромат пустыне! Те, кого я любила бы, не приняли меня, их руки — увы! — никогда не протягивались ко мне. И забвение, оборачивая мою жизнь своим покровом, как будто диктует их сердцам: не касайтесь её. Пусть мои успехи, мстя за меня, донесут до них моё имя и пробудят их память, чтобы я могла, забыв эту гибельную заброшенность, сказать им: ещё на год ближе к славе!).

Трогательной грустью наполнено одно из поздних стихотворений Меркёр, обращённое к неизвестному лицу с просьбой о помощи (в конце жизни достаток поэтессы был довольно скуден). Использование образных штампов (далее выделены курсивом) не мешает оригинальности и искренности

выражения чувств: называя себя *«бедной узницей»* (la pauvre prisonnière) на *«каторге несчастья»* (bagne du malheur), искавшей славы, а нашедшей «бедность» (indigence), лирическая героиня не мечтает о полном избавлении от «железных оков на ногах» (les fers aux pieds), её смиренные притязания ограничиваются только желанием для себя «цепи полегче на несколько звеньев» (la chaîne moins lourde de quelques anneaux) [Mercœur de Nantes, 1843, р. 313]. Подобные стихи подкупают непритворностью переживания и, нам кажется, способны волновать и современного читателя.

4. Заключение

В типологическом аспекте Элиза Меркёр принадлежит к довольно многочисленной группе поэтов небольшого, но несомненного дарования, обеспечивающих своим скромным творчеством массовое распространение романтизма, придание ему статуса направления, а не просто изолированного явления для немногих. Собственно, это ясно из уже сказанного; осталось определить место поэтессы в группе так называемых «малых романтиков». Если посмотреть на итог развития романтизма классического типа (то есть включительно до начального этапа символизма, явления тоже романтической природы), то можно констатировать сформированность в нём трёх основных творческих моделей, отличающихся следующими чертами: 1) естественностью, понятностью чувств и мыслей при простоте стиля, использованием слов в прямом значении (А. Дешан, А.-Ф. Арвер, М.-Л. Груар, П. Верлен); 2) герметичностью содержания, сложностью стилистических средств (поздний А. Рембо, многие вещи С. Малларме); 3) натуральностью чувств, логичностью мыслей, выражаемых часто при помощи метафор или символически (Ш. Бодлер, ранний А. Рембо, ряд произведений С. Малларме). Разумеется, мы указали не всех представителей этих моделей, намеренно поставив в один ряд таланты разного масштаба. Нетрудно увидеть, в какую сторону начало развиваться оригинальное творчество Э. Меркёр: непридуманности переживаний, искренности тона и — по контрасту с этим склонности к метафоризму (основной приём поэтессы — развёрнутая метафора). Это последняя модель, одна из двух наиболее продуктивных (наряду с первой), как показал опыт поэзии романтического типа не только в XIX, но и в XX веке. Но эта модель и самая сложная по своей поэтике. И нельзя сказать, что Меркёр эту модель «выбрала»: поэтесса — в силу своего небольшого, но бесспорного дарования — способствовала её формированию.

Источники

1. M^{ile} Mercœur É. Élégie / M^{ile} É. Mercœur // Poésies. — Paris : Crapelet, 1829. — Pp. 15—17.

- 2. Mlle $Mercœur \acute{E}$. Le Songe, ou Les Thermopyles / Mlle $\acute{E}$. Mercœur // Poésies. Paris : Crapelet, 1829. P. 88.
- 3. M^{ile} Mercœur É. Un an de plus / M^{ile} É. Mercœur // Poésies. Paris : Crapelet, 1829. Pp. 83—84.
- 4. *Mercœur de Nantes É*. Vers à ... / É. Mercœur de Nantes. Œuvres complètes : 3 t. T. 1. Paris: chez Madame Veuve Mercœur et chez Pommeret et Guénot, 1843. P. 313.
- 5. Ve Mercœur. Mémoires sur la vie d'Élisa Mercœur / Ve Mercœur // Élisa Mercœur de Nantes. Œuvres complètes : 3 t. T. 1. Paris : chez Madame Veuve Mercœur et chez Pommeret et Guénot, 1843. Pp. XVII—CLXXXVIII.

Литература

- 1. *Луков Вл. А*. Предромантизм / Вл. А. Луков. Москва : Наука, 2006а. 683 с. ISBN 5-02-034354-4.
- 2. *Луков Вл. А.* Теория персональных моделей в истории литературы / Вл. А. Луков. Москва : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006б. 104 с.
- 3. Arvers F. Sonnet. Imité de l'italien / F. Arvers // Mes heures perdues : poesies. Paris : A. Cinqualbre, 1878. P. 53.
- 4. Audebrand Ph. Petits mémoires du XIX siècle / Ph. Audebrand. Paris : C. Lévy, 1892. 344 p.
- 5. Beyern B. 9 décembre 2016 : La renaissance d'Élisa Mercoeur [Electronic resource] / B. Beyern. Access mode : http://bertrandbeyern.fr/spip.php?article823.
- 6. Bouniol B. Mercœur (Élisa) / B. Bouniol // Les rues de Paris : biographies, portraits, récits et légendes : 2 t. T. 2. Paris : Bray et Retaux, 1872. Pp. 169—189.
- 7. Caillaud P. La vie inquiète d'Élisa Mercœur / P. Caillaud // Annales de Bretagne et des pays de l'Ouest. 1952. T. 59. № 1. Pp. 28—38.
- 8. Claretie J. Élisa Mercœur, Hippolite de la Morvonnais, George Farcy, Charles Dovalle, Alphonse Rabbe / J. Claretie. Paris : Librairie de Mme Bachelin-Deflorenne, 1864. 114 p.
- 9. Constantin M. Physiologie de l'amant de cœur / M. Constantin. Paris : Ligaran, 2015. 124 p. ISBN 9782335034998.
- 10. Crapelet G.-A. Préface de l'Éditeur / G.-A. Crapelet // Mlle Mercœur É. Poésies. Paris : Crapelet, 1829. Pp. VI—XVII.
- 11. *Désaugiers M.-A.-M.* Ma philosophie / M.-A.-M. Désaugiers // Désaugiers et ses amis ou Recueil lyrique et bachique en l'honneur de Marc-Antoine Désaugiers. Paris : Plancher, 1816. Pp. 7—8.
- 12. Dessales-Régis. Poètes de province à Paris / Dessales-Régis // La Revue de Paris. 1845. T. 3. Pp. 423—427.
- 13. *Ducimetière N.* Élisa Mercœur, une victime du star-system? [Electronic resource] / N. Ducimetière. Access mode: https://mabiblio.hypotheses.org/709.
- 14. $\acute{E}lisa$ Mercœur [Electronic resource]. Access mode : https://fr.wikipedia.org/wiki/%C3%89lisa_Merc%C5%93ur.
- 15. Finch A. Women's Writing in Nineteenth-Century France / A. Finch. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. 316 p.
- 16. $Geoffroy\ D$. Élisa Mercœur, Nantaise romantique / D. Geoffroy. Cholet : Hérault éditions, 1990. 285 p.
- 17. *Greenberg W.* Élisa Mercœur : the Poetics of Genius and the Sublime / W. Greenberg // Uncanonical Women. Feminin Voice in French Poetry (1830—1871). Amsterdam Atlanta, GA : Editions Rodopi B. A., 1999. Pp. 43—68.

- 18. Lamartine A. de. Première préface des Méditations / A. de Lamartine // Méditations poétiques : 2 vol. Paris : Hachette, 1922. T. 2. Pp. 347—374.
- 19. Louvet L. Mercœur (Élisa) / L. Louvet // Nouvelle biographie générale depuis les temps les plus reculé jusqu'à nos jours.— Paris : Firmin Didot frères, fils et cie, 1861. T. 35. Pp. 38—41.
- 20. *Mellinet C.* Élisa Mercœur / C. Mellinet // Annales de la Société académique de Nantes et du département de la Loire-Inférieure. 1835. T. 6. Pp. 109—136.
- 21. *Pertus G.-C.* Malfilâtre, Gilbert, André Chenier, Hégésippe Moreau, Élisa Mercœur. Les Lyres brisées / G.-C. Pertus. Paris : E. Albert, 1844. 156 p.
- 22. *Plötner B*. Les débuts d'Élisa Mercœur et d'Émile Souvestre dans le Lyceé armoricain / B. Plötner // Masculin / Féminin dans la poésie et les poétiques du XIXe siècle. Lyon : Presses Universitaires, 2002. Pp. 177—190.
- 23. *Richebourg É*. Mlle Élisa Mercœur / É. Richebourg // Le livre d'or des femmes : cent-douze biographies. Paris : A. Lacroix, 1870. Pp. 215—216.
- 24. Sabatier R. Histoire de la poésie française. Vol. 5.1 : La Poésie du XIX siècle : Les Romantismes / R. Sabatier. Paris : A. Michel, 1976. 537 p.
- 25. *Theuriau F.-G.* Quelques poétesses du peuple / F.-G. Theuriau // Gavroche : Revue d'histoire populaire. 2005, janvier-fevrier, № 139. Pp. 23—27.

MATERIAL RESOURCES

Mlle Mercœur, É. (1829). Élégie. In: *Poésies*. Paris: Crapelet. 15—17. (In French).

M^{Ile} Mercœur, É. (1829). Le Songe, ou Les Thermopyles. In: *Poésies*. Paris: Crapelet. P. 88. (In French).

Mlle Mercœur, É. (1829). Un an de plus. In: *Poésies*. Paris: Crapelet. 83—84. (In French).

Mercœur de Nantes, É. (1843). Vers à ... In: Œuvres complètes, 3 (1). Paris: chez Madame Veuve Mercœur et chez Pommeret et Guénot. P. 313. (In French).

Ve Mercœur. (1843). Mémoires sur la vie d'Élisa Mercœur. In: Élisa Mercœur de Nantes. Œuvres complètes, 3 (1). Paris: chez Madame Veuve Mercœur et chez Pommeret et Guénot. XVII—CLXXXVIII. (In French).

REFERENCES

Arvers, F. (1878). Sonnet. Imité de l'italien. Mes heures perdues: poesies. Paris: A. Cinqualbre. P. 53. (In French).

Audebrand, Ph. (1892). Petits mémoires du XIX siècle. Paris: C. Lévy. 344 p. (In French).

Beyern, B. 9 décembre 2016: La renaissance d'Élisa Mercoeur. Available at: http://bertrand-beyern.fr/spip.php?article823. (In French).

Bouniol, B. (1872). Mercœur (Élisa). Les rues de Paris: biographies, portraits, récits et légendes, 2 (2). Paris: Bray et Retaux. 169—189. (In French).

Caillaud, P. (1952). La vie inquiète d'Élisa Mercœur. Annales de Bretagne et des pays de l'Ouest, 59 (1): 28—38. (In French).

Claretie, J. (1864). Élisa Mercœur, Hippolite de la Morvonnais, George Farcy, Charles Dovalle, Alphonse Rabbe. Paris: Librairie de Mme Bachelin-Deflorenne. 114 p. (In French).

Constantin, M. (2015). *Physiologie de l'amant de cœur*. Paris: Ligaran. 124 p. ISBN 9782335034998. (In French).

Crapelet, G.-A. (1829). Préface de l'Éditeur. In: *Mlle Mercœur É. Poésies*. Paris: Crapelet. VI—XVII. (In French).

- Désaugiers, M.-A.-M. (1816). Ma philosophie. In: *Désaugiers et ses amis ou Recueil lyrique et bachique en l'honneur de Marc-Antoine Désaugiers*. Paris: Plancher. 7—8. (In French).
- Dessales-Régis. (1845). Poètes de province à Paris. *La Revue de Paris, 3*: 423—427. (In French).
- Ducimetière, N. Élisa Mercœur, une victime du star-system? Available at: https://mabiblio.hypotheses.org/709. (In French).
- Élisa Mercœur. Available at: https://fr.wikipedia.org/wiki/%C3%89lisa_Merc%C5%93ur. (In French).
- Finch, A. (2000). Women's Writing in Nineteenth-Century France. Cambridge University Press. 316 p.
- Geoffroy, D. (1990). Élisa Mercœur, Nantaise romantique. Cholet: Hérault éditions. 285 p. (In French).
- Greenberg, W. (1999). Élisa Mercœur: the Poetics of Genius and the Sublime. In: *Uncanonical Women. Feminin Voice in French Poetry (1830—1871)*. Amsterdam Atlanta, GA: Editions Rodopi B. A. 43—68. (In French).
- Lamartine, A. de. (1922). Première préface des Méditations. *Méditations poétiques, 2 (2)*. Paris: Hachette. 347—374. (In French).
- Louvet, L. (1861). Mercœur (Élisa). In: Nouvelle biographie générale depuis les temps les plus reculé jusqu'à nos jours, 35. Paris: Firmin Didot frères, fils et cie. 38—41. (In French).
- Lukov, VL. A. (2006). Pre-Romanticism. Moscow: Nauka. 683 p. ISBN 5-02-034354-4. (In Russ.).
- Lukov, V. A. (2006). Theory of personal models in the history of literature. Moscow: Moscow Publishing House. humanit. un-ta. 104 p. (In Russ.).
- Mellinet, C. (1835). Élisa Mercœur. In: Annales de la Société académique de Nantes et du département de la Loire-Inférieure, 6: 109—136. (In French).
- Pertus, G.-C. (1844). Malfilâtre, Gilbert, André Chenier, Hégésippe Moreau, Élisa Mercœur. Les Lyres brisées. Paris: E. Albert. 156 p. (In French).
- Plötner, B. (2002). Les débuts d'Élisa Mercœur et d'Émile Souvestre dans le Lyceé armoricain. In: Masculin / Féminin dans la poésie et les poétiques du XIXe siècle. Lyon: Presses Universitaires. 177—190. (In French).
- Richebourg, É. (1870). Mlle Élisa Mercœur. In: Le livre d'or des femmes: cent-douze biographies. Paris: A. Lacroix. 215—216. (In French).
- Sabatier, R. (1976). Histoire de la poésie française, 5.1: La Poésie du XIX siècle: Les Romantismes. Paris: A. Michel. 537 p. (In French).
- Theuriau, F.-G. (2005). Quelques poétesses du peuple. *Gavroche: Revue d'histoire populai*re, 139 (janvier-fevrier): 23—27. (In French).